

Рос. муз. газета. — 1999, — № 11. — с. 11.

В одном старом забытом романе встретила нам такая картинка московской жизни.

Москва. Ровно сто лет назад. По Тверской-Ямской поздним вечером мчатся к "Яру" тройки. Улицу наполнил звон бубенцов, а сверху льют свет электрические лампы. Светло, как днем.

Резвую купеческую тройку лихо и легко обошла какая-то особенная. В санях парочка. Она прижалась к нему от страха. А он поет:

"Снеги белые пушистые
Покрывали все поля..."

И по двум-трем фразам купцы узнали поющего:

— Родители вы мои, да ведь это Паша Богатырев едет, ведь кроме него никто не может так петь!

— Паша, родной!

И — в догонку...

В 1899 году Богатырева называли в газетах "вечным любимцем Москвы". И, судя по всему, он был в самом расцвете. А вскоре умер заброшенный и забытый. Вот и в недавней юбилейной энциклопедии "Москва" не нашлось "вечному любимцу" места. Нет его и в официальных историях нашей музыкальной культуры. Редкие заметки о нем полны пробелов и противоречий.

Павел Богатырев родился близ Рогожской заставы. Отец содержал главную московскую травлю, запросто конкурировавшую с театрами. На трибунах вокруг большой арены собиралось по 3—4 тысячи человек, да и билеты были недешевы. Доход приносили буфеты и большой трактир с залами для всех сортов публики. А в перерывах публику ублажали то русские хоры, то цыгане.

Дело шло порядочно. Но отец им заметно тяготился. Настоящий театр манил его больше. В юности он "волновал" театральный "Днепр", забравшись под раскрашенное полотно. Служил в музыкальной лавке, где не только бегал за водкой для знаменитого гитариста Высотского, но и перенил от него вальс "Меланхолия". Подросткового единственного сына возил в комедию и в оперу, хотя в старообрядческой среде смотрели на это как на экскурсию в пекло. Дома любил читать вслух стихи, особенно Пушкина. Читал прекрасно и всегда к месту.

Но не гитара и не стихи увлекли его сына. И даже не пение, хотя казалось, что все песни он знает от рождения. Его захватила скрипка. Лет пять думали, что быть ему большим скрипачом. Даже знаменитый Кламрот учил его с удовольствием. Лет в 17 Па-

Таманьо с Рогожской заставы

К 150-ЛЕТИЮ П. И. БОГАТЫРЕВА
(1849—1908)

ша Богатырев играл в оркестре Артистического кружка, где слышал много добрых слов от писателей и от артистов.

На лето, чтобы свободнее играть на скрипке целыми днями, юноше сняли дачу в Кускове. Однажды вечером он и сам не заметил, как зашел что-то грустное в опустевшем саду. Пение услышала хозяйка Кускова и... попросила через лакея петь в следующие вечера. Но еще больше смутил Богатырева прямой вопрос девушки с соседней дачи: "Почему он петь не учится?" Отец ее, как выяснилось, руководил пением в Успенском соборе и дал голосу и музыкальности юноши наивысшую оценку.

Но и собственный отец одобрил переход со скрипки на пение. И, памятуя, что Бантишова упрекали в отсутствии итальянской школы, пригласил к сыну лучшего в Москве итальянца. Через год Богатырева слушал уже Петербург в составе Придворной певческой капеллы. Им заинтересовался премьер петербургской оперы тенор И. Сетов, приглашавший его в Петербургскую консерваторию...

А он все вдруг бросил и оказался вновь в родной Москве. На время утратил интерес к пению, старался утонуть в отцовских делах, "окупечиться". Но талант, если он есть, свое возьмет. Вскоре он в Московскую консерваторию у Кашперова получает полное оперное образование. До конца жизни он именует себя оперным певцом.

В имеющихся заметках о его оперном дебюте названы не только разные оперы, но и разные театры. То это партия Бояна в Одессе, то Собинина в Киеве, то Фауста в Тифлисе. Называют в Торопку в Большом театре, в Москве. Неплохой список для дебютанта, который готов к этому времени выйти на сцену в операх

Мейербера и Верди, Кашперова и Рубинштейна. И все это уже в неполных 25 лет, весной 1874 года. В последний раз он выступил на оперной сцене в 1899 году, через 25 лет — пел Собинина в Частной опере Мамонтова.

Этот долгий оперный путь никем пока не исследован. А случается, что его и вовсе рассматривают как частный эпизод. Ведь прославился-то Богатырев исполнением русских песен! На самом деле Богатырев и в опере был уникален. Он был умный и мыслящий певец, натура необычайно страстная, да и голос имел уникальный. "Павел Иванович Богатырев, — напишет в своих воспоминаниях выдающийся оперный певец А. М. Давыдов, — был русским Таманьо: он обладал тенором, поражающим диапазоном и силой звука".

Красоту и силу звука отмечали и рецензенты его последнего выступления в опере.

Тогда почему же он временами на целые годы уходил с оперной сцены, почему уже в 1870-х пел на садовой эстраде, а в 1880-х два года отдал организации Русского хора? Разве это не признаки потери голоса, разгульной жизни, слабой вокальной школы, не давшей долго сохранить голос в оперной форме?

Изучая провинциальную прессу и мемуары, убеждаешься, что Богатырева обожала оперная публика Одессы, Киева, Екатеринбурга. А в Харькове, как говорят, после одного из спектаклей студенты довели его экипаж до дома, выпрягли лошадей. И душевная, и материальная щедрость Богатырева не знала границ. Не потому ли публика так ценила в нем не только артиста, но и замечательного человека. С начала 1880-х годов, когда он стал писать очерки, стихи, рассказы, повести, их охотно печатали многие журналы и газеты. К сожалению, сейчас

читателю известна и доступна только небольшая часть его блестящих очерков о старой Москве; все остальное литературное наследие даже и не собрано.

Но вернемся к Богатыреву как исполнителю русских песен. И здесь его деятельность не была заурядной. Наряду с известными и всеми любимыми песнями Богатырев всегда пел в концертах массу песен незаслуженно забытых. Песни эти он долгие годы собирал сам, объезжая и обходя пешком, что называется, всю Россию. Поволжье он прошел от истоков до Каспия, умел поговорить и с бурлаками, и с богомольцами, и с нищими и странниками.

Винovat ли он, что оперные театры из поволжской дали представлялись ему иногда золотыми клетками, где обученные певцы поют для обученной публики, и поют в сущности одно и то же. Здесь, на Волге, среди самого разношерстного народа, он куда больше чувствовал себя своим и действительно нужным человеком. А петь ему приходилось у костра, на пароходах, на народных праздниках, в церквях. Он был большой любитель духовного пения.

Вот тогда и мнилось ему, что Бог сотворил его, чтобы петь для всех русских людей, а не для особо избранных, и петь то, что они любят и без чего не могут жить. Русскими песнями он покорило сердца в Берлине и в Париже; шесть дней подряд выступал в Королевском концертном зале Лондона. Надо ли говорить, что с бешеным успехом?

Да, в конце жизни он пел в "Яре", в летнем саду московского "Аквариума" — но это для него не было унижением по сравнению с оперой. Опере — оперное, песне — песенное. Богатырев и к хорошей оперетте относился с искренним интересом, и итальянскую оперу ценил за то, что в ней есть, а не за то, чего в ней нет и быть не может... Но больше всего любил народную песню.

"Эх ты, мужик, эх ты, силища дикая! — говорит он в одном из своих рассказов. — Спой-ка ты "Дубинушку" на веселый лад, гони прочь невзгоды... А то пропился весь в пух, подвело твое неприхотливое брюхо, глянул ты на свои босые ноги, на рванный кафтан с рубахой, да и опустил руки как плети..."

Временами ему казалось, будто только русской песней и можно вылечить Россию. Кто знает?

Елена и Валерий УКОЛОВЫ.